

ГЛАВА 1

ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ?

— Нет, — прошептала я непослушными губами. Мы едва вырвались из той бури, и во второй раз нам не спастись! Петтер тут же задвинул меня себе за спину — смело, хоть и глупо. Дракон сверху, а не впереди, к тому же он настолько велик, что даже не заметит столь мелкое препятствие.

Помахивая крыльями, он завис перед нами, и я готова была поклясться, что обнажившая впечатляющие зубы гримаса была улыбкой. С каждым взмахом он опускался все ниже и ниже, пока не кувыркнулся в воздухе... в перекате приземляясь уже человеком.

— Вы меня боитесь, Мирра? — поинтересовался Исмир с усмешкой, и к щекам моим прилила кровь.

— А у нас нет для этого причин? — холодно уточнил Петтер.

Глаза Исмира полыхнули льдом.

— Причины имеются, — признал он неохотно. — Приношу свои извинения. Я получил неприятные известия из дома, поэтому вспылил.

На языке вертелся вопрос, какое мы с Петтером имели отношение к его новостям. Разумеется, задавать его я не стала. А едва Петтер открыл рот (надо думать, чтобы спросить о том же), как я коснулась рукава его шинели.

— Мы принимаем ваши извинения, — согласилась я негромко. — Однако сейчас есть более важные дела.

Исмир помрачнел.

— Вы об этом? — он мотнул головой в сторону тела. Я молча кивнула. Следующий вопрос Исмира заставил меня... кристаллизироваться и выпасть в осадок, как говаривал мой дедушка. — Это вы его убили?

Я сама не поняла, как оказалась прямо перед ним.

— Как вы смеете?! — прошипела я, заноса руку для пощечины. Разумеется, он легко перехватил мое запястье.

— А что еще я должен подумать? — В тихом голосе льдинками звенело напряжение. — Вы непонятно как оказались здесь, при этом ваш клевет что-то забрал от тела и передал вам...

— Я потеряла здесь сережку, — призналась я. И, видя его вопросительно выгнутую бровь, поторопилась уточнить: — Наверное, во время дуэли! Мы ведь уехали, еще когда здесь была уйма народа! А вернулись... — На мгновение я замялась, потом подняла подбородок. — Впрочем, вы сами знаете, когда мы сюда вернулись! Я не специалист, но насколько могу судить, тело уже остыло, а даже при такой погоде на это потребовалось какое-то время... К тому же какой резон мне его убивать?!

Бледно-голубые глаза Исмира смотрели на меня пристально, будто стараясь не упустить тень вины.

— Возможно, с ним у вас *тоже* был роман?

Вопрос дракона хлестнул меня наотмашь.

— Да как вы?! — выдохнула я, пытаясь вырвать кисть из тисков его рук. Бессильные злые слезы наворачивались на глаза. За что он так со мной?! Я глубоко вздохнула, успокаиваясь, и проговорила, чеканя слова: — Ни я, ни Петтер господина Фритрика не убивали, в этом я могу вам поклясться! Более того, у меня *ни с кем* нет романа!

— Вот как? — иронично поинтересовался Исмир, заставляя меня вспомнить...

— Именно так! — подтвердила я сухо. — А теперь будьте добры, отпустите меня.

Исмир опустил взгляд, словно лишь сейчас обнаружив, что по-прежнему сжимает мое запястье... и медленно поднес его к губам. Деликатный аромат сандала обнял меня пуховой шалью, отгоняя невыносимый смрад смерти, и я глубоко вздохнула, вновь наслаждаясь возможностью дышать полной грудью.

— Оставьте госпожу Мирру в покое! — вырвал меня из оцепенения звенящий яростью мальчишеский голос.

Я вздрогнула, обнаружив, что Петтер замер прямо у меня за спиной.

— А иначе что?

Взгляд дракона вдруг показался мне темным и холодным, как вода в полынье.

— Прекратите! — попросила я громко. — Господин Исмир, будьте так любезны, слетайте в Ингойю и привезите инспектора Сольбранда. Без полиции здесь не обойтись.

Я опасалась, что Исмир пожелает сам заняться расследованием, но нет.

— Как изволит прекрасная госпожа, — слегка поклонившись, иронично ответил он. И, отойдя в сторону, изобразил пальцем в воздухе какой-то символ. Льдисто-голубая вспышка... и вот уже дракон набирает высоту. От крыльев его веяло холодом, и я поежилась, мечтая поскорее оказаться в «Уртехюсе». А ведь можно было поступить иначе — оставить Исмира сторожить тело, а самим поехать в город! Я отругала себя за несообразительность, однако поздно: дракон уже превратился в белую точку на горизонте.

— Пойдемте в машину, госпожа Мирра. — Голос Петтера звучал как-то странно и напряженно, но у меня уже не осталось сил об этом задумываться.

— Пойдемте, — согласилась я и сосредоточилась на том, чтобы переставлять ноги. Это оказалось неожиданно трудно, словно к моим сапожкам привязали невидимые гири. Петтер придерживал меня за локоть, не давая упасть, а потом помог усесться. — Благодарю!

Он только кивнул.

Время до появления полиции прошло в тягостном молчании. Пару раз я пыталась заговорить, но мальчишка отвечал односложно и явно неохотно, так что в итоге я оставила его в покое и закрыла глаза.

— Просыпайтесь, Мирра! — вывел меня из сонного оцепенения голос Исмира.

Я с трудом разомкнула веки и попыталась сфокусировать взгляд. Перед глазами все плыло, будто в тумане. За этот день столько всего произошло, что у меня решительно не осталось сил.

— Я не сплю, — отозвалась я, и собственный голос показался мне слабым и хриплым.

— Не проговоритесь о серье, — шепнул Исмир, склонившись ко мне. — Вы поняли?

— Да, — согласилась я, — но...

— Для пояснений мало времени, — оборвал меня он. Пахло от него смолисто-терпким эвкалиптом. — Я ничего не скажу, ваш пес — тоже. И вы молчите. Понятно?

— Разумеется, — согласилась я, от удивления окончательно проснувшись. От Петтера вполне можно было ожидать попытки меня защитить, но Исмир... Пожалуй, это следовало обдумать.

Он стремительно направился к стоящему поодаль инспектору Сольбранду, который внимательно его выслушал, кивнул и, в свою очередь, подошел ко мне.

— Голубушка, вы как? — спросил он участливо. — Можете ответить на несколько вопросов?

— Конечно! — Я украдкой потерла глаза и огляделась. Петтер обнаружился у скалы в компании леденцов, там же уже виднелась светло-пепельная макушка Исмира. Соленый морской ветер и въевшийся в обивку салона аромат крепкого кофе приглушали неприятный запах.

Инспектор помог мне выйти из машины. Я поежилась на холодном ветру и предложила:

— Что же, спрашивайте!

— Расскажите-ка мне, голубушка, все без утайки! —

Он хитро улыбнулся, отчего у глаз собрались смешливые морщинки, а меня накрыло ощущение ирреальности происходящего. Там, у скалы, лежит обезображенное тело, а мы все продолжаем жить, дышать, улыбаться. Как-то это... неправильно? Только глупо говорить об этом инспектору — для него это всего лишь работа.

Я вздохнула и начала рассказывать...

— Вот так-так, — задумчиво проговорил он, когда я умолкла. Пристальный взгляд его не по возрасту ярких глаз не отпускал меня ни на секунду. Инспектор по-птичьи склонил голову к плечу, ущипнул себя за мочку уха и сообщил с усмешкой: — Вот ведь, голубушка, как вам не везет! Где какая напасть случается, так сразу и вы там!

— Совпадение, — пожала плечами я, стараясь держаться спокойно.

— Да-да! — подтвердил инспектор и укоризненно покачал головой. — Вы уж поберегите себя, голубушка!

И посмотрел так лукаво, что оставалось лишь согласиться:

— Конечно, инспектор. Я постараюсь.

— Постарайтесь, постарайтесь! — Он веско поднял палец и скомандовал ворчливо: — Хватит вам тут бродить, голубушка! Поезжайте-ка домой, быстренько! Поужинайте, выпейте чего-нибудь и отдохните!

— С удовольствием, — завершила я, уже предвкушая тепло камина и горячую пищу. — Только мне нужен Петтер.

— Да забирайте своего Петтера! — отмахнулся инспектор. — Вы усаживайтесь, сейчас я его пришлю.

И, не слушая слов благодарности, он отправился к леденцам. Признаюсь, приближаться к телу мэра не хотелось нисколько, даже из любопытства. Меня и так наверняка будут терзать ночные кошмары!

Надо думать, мальчишка тоже не горел желанием играть в сыщика. По крайней мере, появился он очень быстро. Только был хмур и на меня даже не глянул.

— Куда? — поинтересовался он коротко, не отрывая взгляда от кожаной оплетки руля.

— Домой! — сообщила я, вложив в это слово столько чувства, что он усмехнулся. — И, Петтер, позвольте вас поблагодарить. За помощь, заботу и понимание.

— Не за что, — ответил он сухо, заводя двигатель.

— Есть за что! — запротестовала я и призналась честно: — Без вас я бы не выдержала. К тому же... вы ничего не сказали полиции о сережке. Спасибо, Петтер!

Он мотнул головой. Пахло от него странно — наша-тырем с пряно-сладким анисом — трезвой решимостью.

— Пожалуйста. — Петтер смотрел на дорогу перед собой.

Мне оставалось лишь пожать плечами и сделать вид, будто меня чрезвычайно интересует пейзаж за окном...

Дверь открыла Уннер, что вполне меня устраивало.

— Госпожа, вы опаздываете к ужину, — бесцветно сообщила она.

Войдя в дом, я замерла, наслаждаясь теплом и уютными ароматами шоколада, коньяка и апельсина.

— Ингольв уже дома? — поинтересовалась я, с помощью Петтера освобождаясь от верхней одежды. Горничная промолчала, глядя в пол. — Уннер! — повысила голос я.

— Да, госпожа? — заторможенно откликнулась она.

— Ингольв дома? — повторила я, снимая шляпу.

— Нет, госпожа. — Она сделала неловкий книксен. — Господин сообщил, что к ужину не придет. И приказал Петтеру сразу явиться к нему.

— Вот как? — Не знаю, обрадовало меня это сообщение или огорчило. С одной стороны, не хотелось выслушивать нотации от мужа (а без них наверняка

бы не обошлось!), а с другой — столь откровенное пренебрежение меня нервировало. Зато общество свекра, не сдерживаемого присутствием Ингольва, весьма бодрит! Я усмехнулась и отправилась приводить себя в порядок...

Откровенно говоря, у меня отчаянно слипались глаза. О каком аппетите могла идти речь, когда хотелось, не раздеваясь, упасть на постель и забыться сном до утра? Поймав себя на этой мысли, я решительно отправилась в ванную. Поплескала на лицо ледяной водой и, надев на шею аромамедальон (полый камушек на цепочке), накапала в него масла розмарина.

Горьковато-пряный аромат сразу меня освежил, даря восхитительную ясность мыслям. Осталось приколоть к платью свежий кружевной воротничок, протереть лицо льдом из отвара ромашки и липы, и можно спускаться вниз.

В столовой обнаружился свекор, который увлеченно разгадывал кроссворд и не изволил заметить меня.

— Приятного аппетита, господин Бранд! — пожелала я, аккуратно присаживаясь на краешек стула (пришлось отодвинуть его самой!).

Свекор в ответ буркнул что-то неразборчивое. Я без труда угадала в этом теплом напутствии: «Чтоб ты подавилась, дорогая невестушка!» — и искренне умилилась. Есть в этом бушующем мире хоть что-то неизменное!

Вторым столпом стабильности была Сольвейг с вечно кислым лицом и не менее кислым запахом. Откровенно говоря, не понимаю, отчего она всегда и всем недовольна? Неужели в нашем доме ей так плохо живется? Впрочем, при желании можно найти уйму досадных мелочей, из которых несложно сотворить целого слона.

Я же сознательно предпочитала замечать вещи приятные и необременительные: вкус тушеного мяса с имбирем и булочек со свежим маслом, кружево теней за окном и морозные узоры на стеклах. Да, в этой жизни

немало неприятных вещей, однако ведь и приятных не меньше!

Взять хотя бы аромат, которым сейчас тянуло от свекра: нежнейшее благоухание можжевельника и степных трав. Так пахнет свобода, когда хочется обнять весь мир и взлететь высоко-высоко, туда, где ветер играет облаками...

Вот только в столовой было прохладно (надо думать, опять экономят дрова!) и из углов тянуло сыростью. Глупо. Можно подумать, регулярно менять плесневелые обои дешевле, чем хорошо топить!

Мои хозяйственные размышления прервало появление Сольвейг.

— Господин Бранд, вас спрашивает некий господин Бьюдер, вот его карточка.

Свекор взял протянутый кусочек картона опасливо, словно ядовитую змею. Я невольно передернулась (не стоило вспоминать о рептилиях!) и принялась с интересом. Вот теперь от господина Бранда пахло совсем иначе: дешевым вином, яблочным пирогом и еще, пожалуй, дегтем. Где-то на самой грани восприятия тлел табак.

— Зови, — кратко велел он, бросив на меня взгляд исподлобья, и стиснул челюсти.

Хм, любопытно. Кто такой господин Бьюдер и отчего мой свекор столь странно отнесся к его визиту?

Означенный господин оказался бодрым толстяком со здоровым румянцем и поредевшими седыми волосами, тщательно зачесанными на солидную лысину.

— Дружище Бранд! — вскричал он с порога, распахивая объятия. — Сколько лет, сколько зим!

— Здравствуй, Бьюдер, — ответил свекор, как мне показалось, со смесью радости и неохоты. — Каким ветром тебя занесло в Ингойю?

— Да долго рассказывать! — отмахнулся гость. — Ты-то как здесь? Вижу, молоденькую женушку нашел?

И подмигнув мне, ослабил похабно.

— Нет, — кратко ответил господин Бранд, и мне вдруг показалось, что ему неудобно. — Это моя невестка, Мирра. Мирра, познакомься с Бьюдером, моим давним... приятелем.

Почудилось ли мне сомнение? Нет, не почудилось — свекор буквально фонтанировал запахом перца.

— Невестка? — переспросил гость с таким веселым недоумением, что мне стало не по себе. — Надо же, значит, твой дохляк таки вырос и женился?!

— Дохляк? — не выдержала я.

— Ну да! — А веяло от него... пожалуй, злобной радостью и ехидством — уксусом, настоящим на базилике, тархуне и чесноке. — Брандов сын — как там его зовут? — такой слабак был...

— Бьюдер! — В голосе господина Бранда клокотало возмущение.

— Так я что? — почти искренне удивился тот. — Я же правду говорю! Ты сам думал, что он не выживет! Помню, ты каждый вечер за игорным столом только и говорил, что о своем сыночке!

— За игорным столом, — снова повторила я задумчиво.

Вот, значит, отчего господин Бранд не имел собственного состояния, несмотря на благородное происхождение (о котором он любил всем напоминать). Теперь понятны также и его надежды на выгодную женитьбу сына...

Лицо свекра налилось нездоровой краснотой, как будто его вот-вот хватит апоплексический удар, и еще его паническое состояние выдавал запах — как бубен со звенящими подвесками: тимьян и мускус.

— Ну да! — подтвердил господи Бьюдер, растягивая в улыбке блестящие, словно от масла, губы. — Бранд только за столом и успокаивался! Правда, проигрался-то он подчистую.

— Бьюдер! — рявкнул господин Бранд, уже не сдерживаясь.

— Что? — невинно округлив глаза, спросил гость. — А, ты не хочешь, чтоб я болтал лишнее? Ну извини, извини. Я от радости совсем разум растерял. Но ты можешь меня заткнуть — кстати, что там у вас на ужин?

И засмеялся визгливо, отчего я едва сдержалась, чтобы не передернуть плечами.

Любопытные старые приятели у моего свекра, всяма любопытные! Зато теперь некоторые вещи встали на свои места. Значит, меня попрекали слабосильными детьми, рассказывая байки о богатырском здоровье Ингольва в детстве?

Кажется, вечер будет познавательным...

Я проснулась затемно и сразу спустилась вниз, мечтая о чашке крепчайшего кофе — черного-черного, с перцем, чтобы отчаянно заколотилось сердце. Он смое с тела липкую паутину сна, а с души — усталость. Болела голова, как будто кто-то воткнул нож в одну точку над бровью. И, как часто бывает при мигрени, мне чудилось зловоние — навязчивое, лезущее в нос.

Дом тихо вздыхал и сопел во сне, под ногами скрипели ступени. А я вдруг подумала, что уже не столь молода для таких безрассудных приключений. Последние дни напоминали водоворот, в который меня затягивало все сильнее и сильнее. Непрерывная череда событий изматывала, выпивала все силы.

Кофе, как же я хочу кофе! Глоток заемной бодрости, терпкая горечь...

И только распахнув кухонный шкафчик, я вспомнила, что вчера Сольвейг отправила мой любимый напиток в мусор, а подарок Петтера остался в «Уртехюсе». Разочарование было таким острым, что у меня едва не навернулись слезы на глаза.

Затем в моем усталом мозгу появилась спасительная мысль. Ведь можно обойтись маслом кофе — благо запас его у меня имелся. Найти заветный пузырек было делом нескольких минут. Не мудрствуя лукаво я нанесла масло вместо духов — на точки пульса. При-

крыла глаза, стараясь отрешиться от всего мира и наслаждаясь резким, пронзительно-горьким ароматом. Хм, пожалуй, действительно стоит сделать духи с кофейно-перечной ноткой и абсолютом какао. Ингольву они, разумеется, по вкусу не придутся. Разве что Петтеру... Впрочем, о мальчишке лучше вообще не думать, а уж тем более не прикидывать, какие духи ему понравятся!

У ароматов есть замечательное свойство — вытеснять все лишнее. Весь дом пропах рыбой, табаком или старыми портянками? Достаточно капнуть апельсинового или лимонного масла, чтобы все тяжелые и неприятные запахи смыло сверкающей росой цитрусового благоухания. Жаль, что с мрачными мыслями подобный трюк удастся не всегда.

Боль постепенно отступила — неохотно, маленькими шажочками, огрызаясь и скаля желтые зубы. Дождавшись, пока туман в голове развеется, я перебралась к туалетному столику. М-да, внешний вид мой в это утро вполне соответствовал настроению: рыжие локоны уныло обвисли вокруг лица, тусклая кожа так и просила эпитет «мертвенная», а у запавших глаз сгустились чернильные тени. «Бледная немочь!» — как говаривала моя няня. Бабушка просторечные выражения не одобряла, но тоже качала головой и прописывала мне для укрепления сил настойку женьшеня.

Хм, а вот это мне совсем не помешает, желательно курсом. Впрочем, нет, возбуждающие средства не стоит использовать, если нервы не в порядке, а в последнее время назвать себя спокойной и уравновешенной я не могла. Лучше уж сделать упор на валериану и пустырник — хороший сон стирает усталость значительно эффективнее, чем стимуляторы.

Теперь немного масла мяты и базилика, чтобы окончательно изгнать докучливую боль и вернуть румянец бледным щекам, на губы капелька бальзама с маслом корицы (отчего к ним сразу прилила кровь, а нос заще-